

УДК 37.01

ДВОЙСТВЕННОЕ ЧИСЛО

Инна Владимировна Сидорова

кандидат педагогических наук, доцент

sidorova-innavladimirovna@yandex.ru

Арсений Александрович Зимин

студент

arsenyzimin51@gmail.com

Мичуринский государственный аграрный университет

г. Мичуринск, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению категории двойственного числа как особой грамматической формы. В работе рассматривается понятие «дуалис», которое используется для обозначения парности. Огромная роль отводится истории двойственного числа, исследованию его в древнерусских памятниках. Авторы статьи опираются на труды немецкого лингвиста Вильгельма Фон Гумбольдта, тем самым анализируя содержание двойственности. В тексте статьи приведены «скрытые» примеры двойственного числа в современном русском языке. Немало важное внимание уделено этимологическому анализу современных реликтов дуалиса (соматизмов, счетных форм, наречий), что позволяет по-новому взглянуть на трудные случаи ударения и словоизменения в современном русском языке. Кроме того, приводится краткий обзор употребления двойственного числа и в других языковых семьях. Подробно описаны парадигмы склонения и спряжения в древнерусском языке. Авторами описаны причины утраты этой грамматической формы. Статья предназначена для филологов, лингвистов и всех, кто интересуется историческим развитием русского языка.

Ключевые слова: двойственное число, дуалис, древнерусские памятники, грамматическая форма, соматизмы, древнерусский язык, парность.

По словарю лингвистических терминов Т.В. Жеребило *число* вообще – это Класс одноименных морфологических словоизменительных категорий, характеризующих функционирование существительных, местоимений, прилагательных и глаголов. Центральной является категория числа существительных[8]. В современном русском языке мы имеем дело с *единственным числом* (одно яблоко) и *множественным числом* (под множественным числом мы разумеем количество предметов/объектов/явлений от трех и выше. Например, три яблока). По отношению друг к другу мы их противопоставляем (стол – столы, книга – книги, человек – люди и т.д.).

Удивительный факт, что в древнерусской грамматике отдельно выделилась самостоятельная форма числа – *двойственное число*. Оно занимало промежуточное положение. Что же такое двойственное число? Это форма числа, выделяющая два предмета как по отношению к единичному предмету, так и по отношению к множеству предметов (по словарю-справочнику лингвистических терминов Д.Э. Розенталя, М.А. Теленкова) [14].

Немецкий лингвист и философ В.Ф. Гумбольдт считал, что двойственное число – это «единство во времени». Изначально сознание отделяло «двойку» от других чисел, так как природа человека, т.е. наша природа, дуальна (два глаза, два уха, две руки, две ноги) [6]. Двойственное число поэтому еще называют «двоица», «дуалис». По этой причине у нас существует несколько видов дуалиса:

1. Соматический (естественный, соматизмы) – это парные части тела (две руки, две ноги и т.д.);
2. Связанный (квантитативный) – т.е. возникает только с количественным числительным «два» или с собирательным числительным «оба»;
3. Свободный (два любых случайных предмета) – два стола, два стула и т.д. [1];
4. Прономинально-вербальное двойственное число – использовалось для обозначения участников диалога или совместных действий (в

церковнославянском языке в «Евангелии от Матфея» встречается конструкция **«что хоцета, да сотворю вама?»** — «что [вы двое] хотите, чтобы я сделал для вас [двоих]?» [7];

5. Конгруэнтное двойственное число – использовалось с причастиями, анафорическими местоимениями, прилагательными и глагольными формами третьего лица (**«сия святая мученика»** — то есть «эти два святых мученика»). Согласование в синтаксисе и происходит при помощи двойственного числа [12];

6. Двойственное число в конструкциях с двумя именами («правда и мир облобызастся» Пс. 84:11). Здесь два существительных воспринимаются как единое парное сочетание [2].

Дуалис использовался не только в древнерусском языке, то есть не только в праиндоевропейской семье, но и в других языковых семьях [5]. Например, в арабском языке он обязателен и образуется при помощи суффикса –ани; если в русском дуалис исчез, то в словенском и верхнелужицком он жив по сей день. Словенец скажет «мы идем» по-разному, в зависимости от того, двое их или больше; в тохарском языке существовало даже отдельное парное число, которое использовалось строго для природных пар (руки), в то время как обычный дуалис — для любых двух предметов; также дуалис можем встретить и в санскрите, и в финно-угорских языках, и во многих других [3].

В «Российской грамматике» Михаил Васильевич Ломоносов прямо упоминает двойственное число, но делает это очень кратко и осторожно: **«Таковые перемены письмен для знаменованя множественного числа служат во всяком счислении бесконечно, включая число двойственное, которое у евреев и у греков особливые от множественного числа в буквах, имена и глаголы составляющих, имеет перемены. В славенском языке двойственное число его ли есть свойственное или с греческого насильно введенное, о том еще исследовать должно»** [10].

Конечно, Михаил Васильевич Ломоносов признавал наличие двойственного числа у греков у евреев и считал о том, что они имеют там

особую форму, Однако он задавал себе следующий вопрос *«вславенском языке двойственное число его ли есть свойственное или с греческого насильно введенное, о том еще исследовать должно»*, то есть это поистине славянская форма, или оно было заимствовано из греческого языка?

На что, собственно, Ломоносов отвечает осторожно *«о том ещё исследовать должно»*, то есть вопрос подлежит глубокому научному изучению. И вот сегодня историческое языкознание установило, что двойственное число действительно было унаследовано славянскими языками от праславянского языка, а тот – от индоевропейского праязыка. То есть оно не было искусственно заимствовано из греческого языка, а являлось древней собственной категорией. Что интересно, в самой «Российской грамматике» Ломоносов не описывает подробно форму двойственного числа, потому что в живом русском языке XVIII века оно уже давно исчезло как полноценная грамматическая категория. И он там рассматривает лишь только две всем нам известные формы числа — это единственное и множественное число. А двойственное число он упоминает как исторический факт и как черту церковнославянской традиции.

В период XIII-XIV веков двойственное число было абсолютно полноценной категорией [19]. Парадигма склонения существительных была следующая: три падежных формы на семь падежей.

Рассмотрим более подробно:

1. Именительный-Винительный-Звательный падежи: для мужского рода было характерно окончание -а (два стола), эти формы были именно формами двойственного числа, а не родительного падежа, как воспринимается в современном русском языке, для женского и среднего рода окончание -ѣ (двѣсестрѣ), для остальных случаев характерно окончание -и (ночи, матери). Есть некоторые слова-исключения с древней основой на краткий -и: сыны, меды, пиры, где формы двойственного числа позднее даже вытеснили старые формы множественного числа;

2. Родительный-Местный падежи: для них характерно окончание -у/ю (двою брату, во очию). Именно отсюда происходят современные формы вроде «воочию» и «двоюродный»;

3. Дательный-Творительный падежи: окончание -ма (своимарукама). Это древнее окончание сохранило следы в современных формах числительных двумя, тремя, четырьмя, а также в диалектных формах типа «с ногама», «с рукама».

У глаголов и местоимений все иначе. Глагольные формы помогали понять количество участников действия, при этом не требовалось уточняющее числительное. Например, окончание -ва свидетельствовало о 1 лице, окончание -та свидетельствовало о 2 и 3 лице, и это являлось нормой. Несева – мы вдвоем несем, но несета – вы/они вдвоем несете/несут. В аористе (тип прошедшего времени) использовались формы хвалиховѣ — «мы вдвоём похвалили» и хвалиста — «вы двое похвалили» или «они двое похвалили». В имперфекте (тип прошедшего времени) существовали формы хваляховѣ и хваляста, а в повелительном наклонении — хваливѣ и хвалита [9, 11].

Местоимения тоже обладали дуальными формами. вѣ (мы вдвоем), ва (вы вдвоем), на (нас двоих), ваю (вас двоих). В «Слове о полку Игореве» мы встречаем обращение: *«Не ваю ли вои злачеными шелома по крови плаваша?»* (Не ваши ли [двоих] воины...) [18]. В винительном падеже местоимение первого лица имело форму -на, а в косвенных падежах использовались формы наю, ваю, нама, вама. Например, в церковнославянском тексте Евангелия от Матфея встречается выражение: *«что хоцета, да сотворю вама?»*, что означает «что вы двое хотите, чтобы я сделал для вас двоих?» [7].

Таким образом, двойственное число охватывало не только имена существительные, не только именную часть, но и местоимения, глаголы. Всё это позволяло делать древнерусскую грамматику более развитой, более точной по сравнению с современной системой числа.

Почему же «двоица» исчезла, утратила свое значение? Здесь есть несколько причин:

1. Речевая и языковая экономия: поддерживать три парадигмы числа стало избыточным, три формы числа (единственное, двойственное, множественное) заменяется более простой системой (единственное и множественное). Об этом писали в своих исследованиях следующие авторы [15-17, 20];

2. Развитие абстрактного мышления: изначально природа человека была дуальной, но позднее число «два» люди стали воспринимать как множественное число;

3. Формы двойственного числа стали восприниматься как формы единственного (в родительном падеже) или множественного числа, что привело к их переосмыслению.

Современный русский язык по-прежнему сохраняет формы двойственного числа, но не выделяя его как самостоятельную категорию. Где это мы можем встретить? Безусловно, в речи и литературе. Почему мы говорим «один час», но «два часа́»? Или почему мы говорим «один брат», но «два брата́»?

Разберёмся сначала со словом «час». В родительном падеже единственного числа ударение падает на корень, нет ча́са, а окончание -а с ударением на флексии – это прямой потомок именительного падежа двойственного числа. Это так называемая паукальная или счетная форма, и вот в древнерусском языке отдельно даже выделяли счётный падеж, который сохранялся при числительных два, три, четыре. То же самое мы будем наблюдать со словом «брат». Форма «брата» – это исторически именительный падеж двойственного числа. А вот «пять братьев» – это уже родительный падеж множественного числа [21].

Многие слова, у которых есть окончание -а и которые относятся к множественному числу, являются устаревшей формой дуалиса. Например, «глаза», «берега», «рога», «рукава», потому что должно быть окончание

множественного числа -и с чередованием в корне: «глази», «берези», «рози», «боци», «рукави». Мы используем форму дуалиса, потому что эти предметы парные.

«Очи», «уши», «плечи», «колени» – формы также относятся к дуалису. Настоящая форма множественного числа от «колени» — коленья (по аналогии с «деревья»), но естественная парность заставила язык сохранить древнюю форму двойственности.

Наречие «воочию» пришло к нам из древнерусского языка. От древнерусского «въочию» (предлог + местный падеж дуалиса). В буквальном смысле «в двух глазах». Производный предлог «между» – бывший местный падеж двойственного числа от слова «межда (межа)», что обозначает пространство, разделяющее две границы. Числительное «двести» – древнерусское «две сте», где «сте» — форма среднего рода дуалиса от «сто». Числительные «двух», «двум», «двумя». В них начальный элемент «дву» — это родительный/предложный падеж двойственного числа, а окончание -мя в слове двумя (изначально двумя) — это тот самый древний дательный-творительный падеж дуалиса.

В литературных произведениях также можно встретить формы двойственного числа. Например, в «Поучении Владимира Мономаха» встречаем *«Конь дикихъ своимарукама связальесьмь»* или *Тура мя 2 метала (...)* *а 2 лоси, одинъ ногами топталъ, а другыйрогома болъ*. Здесь форма «рукама», «рогома» — творительный падеж двойственного числа [4].

В «Слово о полку Игореве» можно заметить *«Два солнца помѣркоста, оба багряная стлѣпапогасоста, и въ море погрузиста, и с ними молодая мѣсяца, Олегъ и Святославъ, тьмоюсяповолокоста»* или *«Ты, буи Рюриче, и Давыде! Не ваю ли вои злачеными шеломы по крови плаваша?»*. Это глагольная форма «помѣркоста» — двойственное число, а «ваю» — двойственное число местоимения [18].

У А.С. Пушкина в романе в стихах «Евгений Онегин» наблюдаем «Умыть плеча, лицо и груди». «Грудь» – это двойственное число существительного [13].

Итак, Двойственное число представляет собой важнейшую часть истории русского языка. Оно существовало в древнерусской грамматике как полноценная категория наряду с единственным и множественным числом и активно использовалось для обозначения двух предметов, лиц и действий.

Со временем эта форма была утрачена, что связано с общими процессами упрощения грамматической системы и развитием абстрактного мышления. Однако полностью дуалис не исчез — его следы продолжают жить в современной речи.

Список литературы:

1. Белич А. К двойственному числу в старославянском // Известия Отделения русского языка и словесности. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1899. Т. 4, кн. 4. С. 1159–1191.
2. Библия. Ветхий Завет. Псалтирь: церковнославянским, гражданским шрифтом / пер. П. Юнгера; ред.-сост. Г. М. Гупало. 7-е изд. М.: Даръ, 2016. 844 с.
3. Бурлак С. А. Конструкции с двойственным числом в тохарском В языке // Школа молодого востоковеда – 2004: материалы научной конференции. СПб., 2004.
4. Владимир Мономах II (1053–1125). Поучение детям Владимира Мономаха: с прил. Послания Вл. Мономаха к Олегу, поучений Ксенофонта, некоего отца, св. Василия Великого и материалов для характеристики Мономаха / ред. и примеч. В. А. Воскресенского. СПб.: Тип. и лит. В. А. Тиханова, 1893. XIV, 49 с.
5. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и

протокультуры. Т. 2. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1984. С. 440–1328.

6. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем.; под ред. Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. 397 с.

7. Евангелие от Матфея на греческом, церковнославянском, латинском и русском языках с историко-текстологическими приложениями. М., 1993. 232 с.

8. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань : Пилигрим, 2010. 485 с.

9. Жолобов О. Ф., Крысько В. Б. Историческая грамматика древнерусского языка. Двойственное число. М., 2001. 235 с.

10. Ломоносов М. В. Российская грамматика: репринтное издание. М.; СПб.: Еврошкола, 2016. 210 с.

11. Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола / Акад. наук СССР. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 252 с.

12. Православный молитвослов крупным шрифтом / сост. и ред. М. Д. Молотников. Клин; М.: Христианская жизнь; Паломник, 2014. 157 с.

13. Пушкин А. С. Евгений Онегин: роман в стихах / Российская гос. б-ка. М.: Пашков дом, 2013. 445 с.

14. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. М.: Просвещение. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.. 1976. 543 с.

15. Рыбальченко О. И., Чуркина Е. А. Изучение русского языка как иностранного // Наука и Образование. 2025. Т. 8. № 1.

16. Рыбальченко О. И., Бубнова Л. В. Проблема нарушения норм современного русского литературного языка в массовой культуре // Наука и Образование. 2024. Т. 7. № 1.

17. Сидорова И. В., Воронин М. А. Профессионально-педагогические трудности молодых специалистов и пути их преодоления // Новые технологии в аграрном образовании: материалы VВсерос. (нац.) науч.-метод. конф. с междунар. участием. Мичуринск-наукоград РФ, 2024. С. 92–94.

18. Слово о полку Игореве / вступ. ст., ред. текста, дословный и объяснительный пер. с древнерус., примеч. Д. С. Лихачева. М.: Детская литература, 2009. 253 с.

19. Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2002. 559 с.

20. Широлапова Н. Ю. Изучение лингвистического анализа текста в школе и в вузе (из опыта работы) // Наука и Образование. 2024. Т. 7. № 4.

21. Штудинер М.А. Словарь трудностей русского языка для работников СМИ : ударение, произношение, грамматические формы : 12+ / М. А. Штудинер. 3-е изд., доп. Москва: Грамота, сор. 2025. 463 с.

UDC 37.01

DUAL NUMBER

Inna V. Sidorova

candidate of pedagogical sciences, associate professor

sidorova-innavladimirovna@yandex.ru

Arseny Al. Zimin

student

arsenyzimin51@gmail.com

Michurinsk State Agrarian University

Michurinsk, Russia

Abstract. This article examines the category of dual number as a special grammatical form. The concept of "dualis," which is used to denote pairedness, is examined. A significant role is given to the history of the dual number and its study in Old Russian texts. The authors draw on the works of the German linguist Wilhelm von Humboldt, thereby analyzing the content of duality. The text of the article presents "hidden" examples of the dual number in modern Russian. Considerable

attention is devoted to the etymological analysis of modern relics of the dual (somatism, countable forms, adverbs), which allows for a fresh look at complex cases of stress and inflection in modern Russian. Furthermore, a brief overview of the use of the dual in other language families is provided. Declension and conjugation paradigms in Old Russian are described in detail. The authors describe the reasons for the loss of this grammatical form. The article is intended for philologists, linguists, and anyone interested in the historical development of the Russian language.

Keywords: dual, dual, Old Russian monuments, grammatical form, somatism, Old Russian language, duality.

Статья поступила в редакцию 20.05.2026; одобрена после рецензирования 19.06.2026; принята к публикации 30.06.2026.

The article was submitted 20.05.2026; approved after reviewing 19.06.2026; accepted for publication 30.06.2026.